ПЛЕШКОВ ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ

председатель Арбитражного суда Московской области, преподаватель кафедры гражданского права факультета права ГУ—ВШЭ

ОБ ОСНОВАНИЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Автор обосновывает вывод о необходимости закрепления в законе презумпции вины руководителя в причинении вреда обществу, а также отвечает на вопрос о соотношении понятия вины руководителя с такими категориями, как добросовестность и разумность.

Ключевые слова: руководитель юридического лица, ответственность менеджмента, добросовестность в корпоративном праве

Пункт 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ возлагает на руководителя юридического лица обязанность действовать добросовестно и разумно. Статья 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО), во-первых, предписывает руководителям корпорации быть добросовестными и разумными при осуществлении принадлежащих им прав и исполнении обязанностей, во-вторых, устанавливает виновную ответственность менеджера за причиненные обществу убытки.

Таким образом, субъективным основанием ответственности руководителя акционерного общества является вина. Формулировки, содержащиеся в Законе, не дают прямых ответов на вопросы, принципиально важные для формирования практики их применения: необходимо ли подходить к вине как к чисто субъективной категории (психическое отношение к противоправному поведению) или вина представляет собой несоответствие поведения неким объективным стандартам? Как в том и в другом случае вина соотносится с категорией добросовестности? Как разграничиваются категории добросовестности и разумности? На эти вопросы мы попытаемся ответить в настоящей работе.

По мнению Е. Богданова, «под добросовестностью участников гражданских правоотношений следует понимать субъективную сторону их поведения, т.е. когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или об иной своей неуправомоченности»[1]. В.И. Емельянов полагает, что лицо следует считать добросовестным в том случае,

[1] *Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.*

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27

когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда[2]. Т.В. Новикова отмечает, что, «с одной стороны, добросовестность выступает в объективном смысле (как стандарт поведения), с другой — в субъективном (как незнание). Объективное значение данного понятия встречается в институте аналогии права и отдельных статьях ГК РФ (ст. 53…), субъективное — в вещном праве»[3].

> Если добросовестность в целях применения ст. 53 ГК РФ и ст. 71 Закона об АО представляет собой субъективную категорию, учитывающую процессы, происходящие в психике человека, то ее определение, очевидно, не будет отличаться от определения вины как психического отношения лица к своему противоправному (причинившему обществу убытки) поведению.

В этом случае руководители, которые в силу низкого образовательного уровня, отсутствия опыта и по иным подобным причинам не могли осознавать вредоносности собственных действий, будут от ответственности освобождены.

Такой подход к понятию вины, разделяемый известным цивилистом Б.С. Антимоновым[4], казалось бы, в полной мере соответствует принципу справедливости. На самом же деле он не лишен большого количества недостатков: «В уголовном процессе судебному разбирательству предшествует предварительное следствие, задачей которого является выяснение всех обстоятельств, при которых происходило преступление. В гражданском и арбитражном процессе существует лишь стадия подготовки дела к судебному разбирательству, в рамках которой просто немыслимо осуществить задачи органов предварительного следствия. Да это и невозможно с учетом принципа состязательности. Вольно или невольно, суд всегда будет сопоставлять поведение причинителя вреда с поведением, которое можно требовать от сопоставимого субъекта при сопоставимых обстоятельствах. Есть и еще один немаловажный момент. Лицо, которому нанесен вред, также ожидает именно этого среднего поведения. Почему оно должно считаться с какими-то индивидуальными особенностями противостоящего субъекта?»[5] Конечно, в гражданском праве в отличие от права уголовного действует презумпция вины. Это означает, что доказывать собственную невиновность (добросовестность) предстоит менеджеру, а не акционерам. Но вместе с тем последним будет достаточно трудно опровергнуть ссылку проштрафившегося управленца на отсутствие у него полного понимания ситуации в силу отсутствия диплома о высшем образовании. Кроме того, едва ли справедливо возлагать на акционеров, голосовавших против избрания соответствующего лица, риски, связанные с несоответствием такого лица занимаемой должности.

> Если же рассматривать добросовестность как категорию объективную, то она предстает в виде поведенческого стандарта, отклонение от которого вне зависимости от его субъективных причин будет являться основанием для привлечения лица к ответственности за причиненный им вред.

Эта точка зрения не нова: так определяли вину еще римские юристы[6]. Весь вопрос в этом случае сводится к установлению поведенческого эталона. По мнению В.И. Емельянова, равняться следует на «среднего человека». Если средний человек при сходных обстоятельствах не смог бы осознать опасности своего поведения, нельзя требовать такого осознания и от руководителя[7]. Отметим, что И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц также предлагали сопоставлять поведение правонарушителя с поведением любого другого лица при тождественных обстоятельствах[8].

---

[2] Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002.

[3] Новикова Т.В. К вопросу о субъективном значении понятия добросовестности в российском гражданском праве // Общество и право. 2008. № 1.

[4] Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 99, 100.

[5] Бабаев А.Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 885.

[6] См. об этом: Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб., 2006. С. 214.

[7] См.: Емельянов В.И. Указ. соч.

[8] «Для того чтобы освободиться от ответственности за ущерб, причиненный советской государственной или общественной организации или гражданину, для того чтобы можно было признать наличие „случая", т.е. невиновного причинения ущерба, — недостаточно, если причинитель ущерба докажет, что он действовал в меру своих личных способностей и знания дела. Критерием оценки

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27

Этот подход представляется непродуктивным. Странно сравнивать поведение высокооплачиваемого топ-менеджера, жалованье которого зависит в числе прочего и от его способности прогнозировать развитие ситуации, с поведением среднего человека. В конечном итоге это приведет к тому, что от ответственности будут освобождаться лица, в полной мере осознающие сомнительность своего поведения, однако подстилающие соломку в виде стандартного набора действий. Кроме того, сама по себе фигура «среднего человека» — достаточно расплывчатая абстракция, а это может ощутимо замедлить рассмотрение судебных дел соответствующей категории[9].

На наш взгляд, идея об объективном характере добросовестности (вины) в гражданском праве верна и продуктивна, однако применительно к рассматриваемой категории дел в нее необходимо внести важные коррективы.

> Действия руководителя необходимо сравнивать не с поведением абстрактного «среднего человека», а с действиями лица, обладающего сопоставимыми знаниями и опытом. Лицо не может быть освобождено от ответственности, если не предприняло мер, которые в схожей ситуации принял бы обычный руководитель (лицо, знакомое с обычаями делового оборота в соответствующей сфере).

Сказанное позволяет говорить о повышенных законодательных требованиях к руководителям общества, обусловленных доверительным характером отношений между обществом и лицами, входящими в состав его органов, и огромным объемом полномочий, сосредоточенном в руках менеджмента: единственное отклонение от установленных поведенческих стандартов может привести к прекращению деятельности корпорации, что в конечном итоге ущемит интересы большого числа участников оборота.

Тезис о высоком нижнем пороге ответственности руководителя признан и американской судебной практикой: «Директор должен иметь хотя бы общее представление о бизнесе корпорации… Поскольку директора обязаны проявлять обычную заботу, они не могут обосновывать свою защиту недостаточностью знаний, необходимых для осуществления требуемой степени осмотрительности. Если директор считает, что не обладает достаточным коммерческим опытом для выполнения функций директора, ему надо либо приобрести достаточный коммерческий опыт, либо отказаться от выполнения своих функций»[10].

В силу действующей в российском праве неопровержимой презумпции знания закона нарушение менеджером конкретного законодательного предписания является безусловным основанием для квалификации его действий в качестве недобросовестных. Аналогичные последствия наступают в случае несоблюдения менеджером внутренних положений общества, если менеджер имел возможность ознакомиться с такими правилами.

Однако факт осознания возможной или неизбежной вредоносности действий для общества еще не означает недобросовестности лица. Если руководитель осознает вредоносность собственных действий, но желает совершить их для предотвращения еще большего вреда (при условии, что этот вред не может быть предотвращен иначе) и принимает все необходимые меры для минимизации негативных последствий (если вред неизбежен) либо для их упреждения (если вред вероятен), то его действия следует считать добросовестными.

Проиллюстрируем сказанное примером. Принадлежащее юридическому лицу здание потеряло привлекательность для арендаторов из-за ветхости. Приняв во внимание тот факт, что основным видом деятельности общества является сдача в аренду коммерческих площадей, а также оценив стоимость ремонта, генеральный директор приходит к выводу о необходимости сноса здания и строительства на его месте нового. Разумеется, снос здания причиняет обществу вред, однако он же открывает путь к очевидно более дешевому для общества решению проблемы. Возникает

поведения должника является объективная мера заботливости, которую в данных конкретных условиях должен применить советский человек — работник советского хозяйственного предприятия» (Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 327, 328).

[9] *Такой же неопределенностью и расплывчатостью страдает понятие «хороший директор», используемое в Кодексе корпоративного поведения (утв. распоряжением ФКЦБ России от 04.04.2002 № 421/р).*

[10] *Francis v. United Jersey Bank, 432 A.2d 814, 821—822 (цит. по: Карнаков Я.В. Косвенные иски в корпоративном праве США // Закон. 2009. № 6. С. 71).*

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27

логичный вопрос: а насколько естественно вытекали опасения руководителя относительно угрожающего обществу большего вреда из конкретной ситуации и можно ли было предотвратить вред иначе? Ответ зависит от того, поведение какого субъекта мы берем за эталон. Повторим сказанное выше: сравнивать поведение руководителя следует не с поведением среднего человека, а с поведением субъекта, имеющего аналогичные знания и опыт.

Статья 239 Трудового кодекса РФ освобождает работника от ответственности, если ущерб был причинен им в случае нормального хозяйственного риска. Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» относит к нормальному хозяйственному риску «действия работника, соответствующие современным знаниям и опыту, когда поставленная цель не могла быть достигнута иначе, работник надлежащим образом выполнил возложенные на него должностные обязанности, проявил определенную степень заботливости и осмотрительности, принял меры для предотвращения ущерба, и объектом риска являлись материальные ценности, а не жизнь и здоровье людей». Высший Арбитражный Суд РФ в Постановлении Президиума от 22.05.2007 № 871/07 указал на невозможность привлечения к ответственности руководителя, действовавшего в «пределах разумного предпринимательского риска».

Казалось бы, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ дают основания полагать, что нормальным хозяйственным риском можно считать вредоносные действия, направленные не только на предотвращение бóльшего вреда, но и на получение выгоды. Однако, как представляется, цель, состоящая в получении выгоды, всегда может быть достигнута иными способами, нежели посредством причинения вреда. Таким образом, направленность действий директора на получение выгоды при осознании вредоносности таких действий не есть обстоятельство, исключающее недобросовестность руководителя.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что в целях применения ст. 71 Закона об АО решение вопроса о добросовестности и является не чем иным, как решением вопроса о вине, понимаемой объективно.

В литературе высказываются и противоположные точки зрения. А.А. Маковская полагает, что категории добросовестности и разумности характеризуют обязанность, возложенную на должностное лицо корпорации. При этом менеджер может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности лишь при наличии субъективного основания таковой — вины: «Если будет доказано, что руководитель действовал *недобросовестно* (*особенно, неразумно*) и не в интересах общества, то к гражданско-правовой ответственности за причиненные этим обществу убытки руководитель может быть привлечен при наличии предусмотренных Законом оснований, а именно при наличии вины. При таком подходе закрепленная в законе обязанность руководителя действовать разумно и добросовестно в интересах юридического лица в правовом смысле отграничивается от закрепленных в законе оснований ответственности за нарушение этой обязанности. *При этом принцип добросовестного и разумного поведения лица, выступающего от имени юридического лица в силу закона или учредительных документов, не заменяет и не подменяет собой общих правил ГК РФ о вине как основании гражданско-правовой ответственности* (курсив наш. — ***Д.П.***)»[11].

Возникает следующий вопрос: необходимо ли устанавливать вину генерального директора (и в чем она будет выражаться), если из обстоятельств дела следует, что генеральный директор, действуя недобросовестно, причинил убытки обществу? Сама А.А. Маковская далее отмечает: «Нужно признать, что в определенной мере отграничение „добросовестного и разумного поведения“ от „виновного поведения“ по ряду причин носит формальный характер. Прежде всего формальность разграничения обусловлена тем, что такие правовые категории, как „добросовестность и разумность“, сегодня и в теории, и на практике раскрываются посредством использования тех же критериев, через которые в гражданском праве принято раскрывать понятие „вина“»[12].

В юридической литературе встречается точка зрения, в соответствии с которой «разумность» предстает как результат сравнения «с неким стандартом поведения

[11] *Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // СПС «КонсультантПлюс».*
[12] *Там же.*

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27

сознательного, порядочного руководителя, сложившимся к определенному моменту»[13]. Нетрудно заметить, что при таком подходе категории разумности и добросовестности (понимаемой объективно) будут совпадать по содержанию.

> Не означает ли это, что законодатель посредством категории «добросовестность» характеризует процессы, происходящие в сознании субъекта, а посредством категории «разумность» — объективную сторону его поведения?

Если это так, то для возложения на руководителя ответственности необходимо установление как его недобросовестности (субъективное основание), так и неразумности его действий (объективное основание). Однако здесь содержится определенный парадокс: действия лица могут быть одновременно неразумными и добросовестными только в одном случае: когда прогностические способности руководителя ниже прогностических способностей субъекта, с поведением которого сравниваются его действия. Во всех остальных случаях неразумность будет одновременно означать и недобросовестность — лицо адекватно осознавало ситуацию, однако поступило вопреки здравому смыслу. Если и в первом случае субъект будет освобожден от ответственности, то нет смысла выделять «разумность» как отдельное основание последней.

Таким образом, либо законодатель при возложении ответственности принимает во внимание психическое отношение субъекта к своему поведению (что в силу вышесказанного лишает понятие «разумность» какого-либо значения), либо игнорирует психическую сторону дела, отдавая приоритет объективным характеристикам поведения директора. В последнем случае категории «добросовестность» и «разумность» не могут быть четко разграничены.

Принципиально важным представляется вопрос о распределении бремени доказывания в спорах, связанных с привлечением менеджеров к ответственности. Некоторые авторы, ссылаясь на п. 3 ст. 10 ГК РФ, указывают, что добросовестность и разумность лиц, упомянутых в ст. 71 Закона об АО, презюмируется[14]. А.А. Маковская полагает, что ссылка на п. 3 ст. 10 ГК РФ в данном случае не вполне корректна, поскольку ст. 71 Закона об АО не ставит защиту чьих-либо прав в зависимость от добросовестности и разумности управляющих. Между тем она согласна с тем, что недобросовестность и неразумность менеджмента должна доказываться акционерами, объясняя этот вывод тем, что нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно является составной частью объективной стороны правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 71 Закона об АО[15]. Как мы уже говорили выше, категории добросовестности и разумности характеризуют не объективную, а субъективную сторону правонарушения. Таким образом, вывод А.А. Маковской представляется неверным, однако справедливо ее замечание, касающееся невозможности применения в данном случае п. 3 ст. 10 ГК РФ.

> С нашей точки зрения, обязанность доказать факт причинения убытков обществу, а также размер этих убытков должна возлагаться на истца. В то же время вина руководителя, причинившего убытки обществу, должна презюмироваться — подобно тому, как презюмируется вина лица, нарушившего обязательство[16]. Такой подход стимулирует руководителя к хранению доказательств, свидетельствующих об обстоятельствах принятия того или иного решения.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, используя категории «разумность» и «добросовестность», законодатель формулирует правило о виновной ответственности руководителя. Те же цели могли бы быть достигнуты при помощи одной «добросовестности». Прямое указание на вину менеджера в ст. 71 Закона об АО представляется избыточным, по-

---

[13] *Самохвалов С. Разумность и добросовестность членов органов управления хозяйственных обществ // Корпоративный юрист. 2007. № 7.*

[14] *См., напр.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. М., 2005.*

[15] *См.: Маковская А.А. Указ. соч.*

[16] *Как известно, в соответствии с п. 2 ст. 401 ГК РФ отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Мы полагаем, что непосредственное применение этого положения к рассматриваемой ситуации невозможно, поскольку отношения между менеджером и обществом не носят обязательственно-правового характера.*

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27

скольку в контексте данной статьи понятия «вина» и «добросовестность» тождественны.

Во-вторых, при применении правил об ответственности менеджмента судам надлежит исходить из того, что законодатель предъявляет к лицам, занимающим руководящие должности, повышенные требования. С этой точки зрения недобросовестным будет считаться не только руководитель, не принявший мер, которые были бы приняты обычным руководителем в сопоставимой ситуации, но и менеджер, обладающий необходимыми знаниями и опытом и не применивший эти дополнительные навыки, когда это было необходимо.

В-третьих, в законе имеет смысл прямо закрепить правило о предпринимательском риске руководителя сообразно модели, приведенной выше.

В-четвертых, правильным представляется закрепление в законе презумпции вины руководителя в причинении вреда обществу.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:48:27